

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕРИВАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Абдусаттарова Гузал Муса кизи
Школа № 57 Галляаральского района Джизакской области

<https://doi.org/10.5281/zenodo.8072877>

Annotation: *The article is devoted to the issues of semantic and lexical derivation, that is, in a broad sense — the process of formation of new words. These processes are carried out according to strict rules with the help of formal means available in the language, the so-called formants. The principle of derivation in a language is not independent, and dialectically it should be compared with the principle of actualization of ready-made linguistic units.*

Keywords: *lexical derivation, semantic derivation, word, contamination, introduction, nomination, word formation, compression, transposition, formant.*

Деривация — категория онтологическая и гносеологическая одновременно. О деривационной сущности языка упоминалось еще в грамматиках Панини и Пор-Рояля. Этот факт позволяет нам говорить о том, что интерес к изменению значения того или иного слова исследователи проявляли задолго до появления самого термина «деривация». В современной лингвистике под деривацией понимается процесс образования слов, их новых значений, предложений, грамматических форм слова, то есть всех возможных единиц, начиная с фонемы и заканчивая текстом.

Все это дает нам основание говорить об универсальности принципа деривации, охватывающего разные пласты лингвистического объекта, что, в свою очередь, повышает объяснительный потенциал принципа деривации, как гносеологической категории и позволяет считать его основой для общей дериватологии или деривационной грамматики. Проблемы деривации остаются в центре внимания современных лингвистических исследований. Что касается семантических деривационных процессов, то по сути они являются постсемантическими процессами, иначе говоря преобразовывают уже имеющееся денотативное содержание лексических единиц. Преобразование заключается в семантической интерпретации денотата, в особом способе его языкового представления в поверхностной структуре предложения, где он получает вторичное выражение. Когда мы, видя перед собой ворону, называем ее птицей, или летчика — соколом, мы пользуемся вторичными выражениями. Эти выражения являются результатом семантической деривации. В отличие от соответствующих первичных вторичные выражения несут некоторый дополнительный смысл, связанный не с символизацией обозначаемого объекта, а с отношением к нему говорящего, с той или иной его оценкой. Иначе говоря, результатом семантической деривации является не только преобразование формы языкового выражения, но и семантическое приращение прагматического характера. Мы выделяем три основных типа семантической деривации: смещение, метонимию и метафоризацию. Каждый из них имеет аналог в типах семантической деривации. Смещение можно назвать семантической конверсией. Подобно конверсии оно сводится к синтаксическому переоформлению семантических компонентов предложения. Однако если конверсия имеет своим оператором формальный показатель, выраженный в предикате или

оппозицией предикатов, то смещение — чисто семантический оператор — противоречие между формой и содержанием семантического компонента. Так, в пушкинской строке «Супруг тебе простер торжественную руку» (А. С. Пушкин) определение лишь по форме является определением, а по содержанию относится к глаголу, то есть служит обстоятельством. Ср.: Супруг торжественно простер руку.

Метонимизация есть процесс, аналогичный компрессии. В результате компрессии устраняются компоненты, семантика которых является чисто грамматической или целиком выражается другим предложением текста. Например: У него было два сына. Один работал инженером. Но устраняться могут и компоненты, не выраженные в другом месте текста и вместе с тем обладающие не чисто грамматической семантикой. Тогда мы и говорим о метонимии. Так, в результате метонимизации предложения Состоялось заседание кафедры получим Состоялась кафедра, где конкретное существительное кафедра вбирает в себя смысл действия заседание и, не переставая быть конкретным, становится абстрактным. Такое противоречие и служит своеобразным показателем метонимии, ее оператором. Метонимизация теснейшим образом связана со смещением. При метонимизации устраняется независимый компонент, что влечет за собой соответствующую перестройку предложения. Чтобы предложение оставалось правильным, сохранившийся зависимый компонент «перемещается» в позицию компрессированного и, следовательно, «переодевается» в его грамматическую одежду. В основе метафоры лежит контаминация двух предложений. Особенность метафоризации определяется типом оператора: используется оператор сравнения, получающий в результирующем предложении семантическое выражение. Рассмотрим контаминацию предложений: Облака передвигаются по небу. Люди гоняются друг за другом. Их контаминация с помощью союза как будто дает сложноподчиненное предложение: Облака передвигаются по небу, как будто люди гоняются друг за другом. Преобразование такого предложения в простое есть механизм образования метафоры. Он предполагает: 1) совмещение синтаксически тождественных компонентов: (облака — люди, передвигаются — гоняются); 2) устранение лишних компонентов: из двух предикатов остается тот, который семантически богаче. Гоняются занимает место передвигаются, поскольку гоняются включает сему передвижения. Выбор субъекта диктуется связным текстом: так как речь идет об облаках, устраняется люди. Оператор также компенсируется. В результате мы имеем: Облака гоняются друг за другом по небу.

Метафора предикативна по природе. Поэтому в центре ее находится глагол. Этому, казалось бы, противоречат некоторые факты. Так, носителем метафоры может быть определение, например выделенное прилагательное в предложении: В углу стояло пузатое ореховое бюро. Однако определение есть не что иное, как вторичный предикат. Метафора может занимать даже позицию подлежащего, но и в таком случае она деривационно восходит к предикату. Например, предложение: Этот медведь опять отдал мне ногу! Если медведь здесь метафора, то в памяти участников коммуникации должен сохраниться деривационный акт приписывания качеств медведя носителю данного действия. Следовательно, в основе приведенного предложения лежит утверждение типа «Этот человек как медведь», а его подлежащее — вторичный предикат. Предикативность метафоры, вне зависимости от ее синтаксической формы, обычно обнаруживается в тексте. Ср.: Горы плавными волнами уходили к юго-западу. Волны, сначала темно-зеленые, вдали окутывались синевой. Волны, сначала темно-зеленые, вдали окутывали синевой. Метафоризация — сложный когнитивный процесс. Опираясь на контаминацию, он включает в

себя не только компрессию, но и конверсию. Например, метафоричность предложения Он мучился в пламени сомнения связана с конверсией конструкции. Сомнения как (похожи на, напоминают) пламя, откуда пламя сомнений.

Компактность и необычность обозначения объекта и выражения мысли — вот парадигматические особенности воздействия на декодирующего, которых добивается кодирующий путем использования семантической деривации. Не остаются без внимания и вопросы, связанные с лексической деривацией, которой подвержена основная единица языка — слово. Слово существенно отличается от предложения в системе языковых механизмов. Если предложение по преимуществу производится, то есть каждый раз создается заново (и к этому сводится его жизнь в языке), то слово в основном воспроизводится в речевой деятельности, хотя каждый раз своеобразно, неповторимо, то есть используется как готовая единица, хранящаяся в памяти. Отсюда, казалось бы, следует вывод, что предложение — единица динамическая (речевая), а слово — единица статическая (языковая). В действительности же слово также динамическая единица, сущность которой состоит в ее непрерывном функционировании, постоянном видоизменении, обновлении. Однако слово функционирует не так, как предложение. Предложение — компонент текста. Более того, как в капле воды заключены свойства воды вообще (капля — та же вода), так и в предложении — все свойства текста. Предложение есть тот же текст. Иное дело — слово. Оно не имеет свойств текста, хотя в конечном счете текст «составляется» из слов. В этом отношении слова подобны химическим элементам вещества: водород и кислород «составляют» воду, но не обладают ее свойствами. Чем же характеризуется слово как динамическая единица? Оно противоречиво. С одной стороны, слово — неотъемлемая часть текста, так как текст «строится» из слов, как здание из кирпичей.

С другой стороны, слово не принадлежит тексту, поскольку оно связано сейчас и может быть связано в будущем с определенным множеством текстов. Таким образом, слово принадлежит данному тексту и вместе с тем не принадлежит ему. Этим противоречием и объясняются многие динамические свойства слова. Действительно, слово и конкретно, и абстрактно в одно и то же время. Как элемент текста, это предельно конкретно (в той степени, в которой конкретен данный текст), связано со всеми другими словами текста, которые так или иначе уточняют, ограничивают его значение, делают его метой данного денотата. Но поскольку слово употреблялось в других текстах, где оно выполняло функцию меты, оно связывает данный текст с другими текстами, то есть выражает то общее, что объединяет эти тексты, и потому по необходимости абстрактно.

Слово выражает данную мысль, «разлитую» в данном тексте, и вместе с тем, будучи связанным с огромным числом других мыслей, «разлитых» в тех текстах, в которых оно употреблялось, оно не выражает данной мысли, а лишь намекает на нее. Слово — представитель текста в целом, и поэтому в нем сконцентрировано все содержание текста. Но текст не сводится к слову, оно занимает в нем ограниченное место и является представителем только предложения или даже словосочетания, а значит, содержание слова ограничено содержанием предложения или словосочетания. Можно было бы отметить и другие противоречивые свойства слова, но все они так или иначе есть отражение основного противоречия между его текстовой и внетекстовой природой. Свойства слова вообще, то есть любого и каждого слова, по-разному проявляются в тех или других классах слов. Очевидно противопоставление по определенным свойствам знаменательных и служебных слов, узувальных и окказиональных слов, лексических и синтаксических дериватов.

Все сказанное помогает нам разобраться в сущности сложнейшего механизма лексической деривации.

Термин «лексическая деривация» может использоваться в широком и узком смысле. В широком смысле лексическая деривация обозначает образование любого слова вне зависимости от того, в какой форме протекает этот процесс. Но образовываться слово может с помощью самых разных механизмов. Возможны аналогия — калькирование с иностранного образца (например, на+реч+ие как *adverbum*), переосмысление слова путем метафоризации или метонимизации (семантическая деривация), слияние самостоятельных слов в одно (так называемый морфолого-синтаксический способ словообразования, компрессия (столовая комната — столовая), образование слова с помощью специальных операторов — формантов. В узком смысле лексическая деривация — это определенный механизм образования слова. Она осуществляется по строгим правилам с помощью имеющихся в языке формальных средств, так называемых формантов. Собственно словообразование, как обычно употребляется этот термин в русских грамматиках, и есть лексическая деривация в узком смысле слова. Продуктом ее является формально производное слово. Механизм образования производного слова может быть передан общей формулой деривационного шага: $A + B = C(AB)$, где *A* и *B* — слова, *C* — формант, выполнявший роль оператора деривации. Например, *петь + ние = пение*, *дерево + янн = деревянный*, *производство + енный = производственный* и т. п. Словообразование обычно сводят к отношениям между производным и производящим словом. В таком случае решаются две основные проблемы: проблема словообразовательного типа, под которым понимаются отношения между производным и производящим словами, и проблема словообразовательного гнезда, под которым понимаются отношения между последовательностью деривационных шагов. В сущности, речь идет либо о парадигматике словообразовательных отношений (словообразовательный тип), либо о синтагматике (словообразовательное гнездо). Однако в обоих случаях исследуется статика языка, хотя исследуемый материал по природе своей динамичен.

Динамический подход к словообразованию требует изучения не просто текста, а текста в процессе его образования. Это значит, что словообразование нужно рассматривать в коммуникативном аспекте, как некоторый момент языковой коммуникации. Необходимо определить место лексической деривации в общей динамической системе языка, в частности, в системе деривационных механизмов. С этой точки зрения лексическая деривация, как это ни парадоксально, есть синтаксический процесс, то есть процесс, непосредственно связанный с образованием предложения в тексте.

Конечно, нельзя полностью исключить возможность образования слова от слова. Например, ученый, решающий задачу, как назвать открытое им явление, может сознательно поставить перед собой цель образовать новое слово по образцу известных ему слов. Таково калькирование в чистом виде в области научной и технической терминологии. Однако в большинстве случаев говорящие образуют слова отнюдь не с целью назвать какое-то новое явление. Лексическая деривация, как и любой другой тип деривации, в конечном счете удовлетворяет потребность в построении текста. Текст, как известно, должен быть связанным и вместе с тем компактным. Слово, образуемое при создании текста, выполняет одновременно обе функции — обеспечивает связность и компактность текста. Как это происходит? Очевидно, слово служит номинацией, обозначением некоторого денотата или понятия. Между тем номинация на поверхностном уровне текста отнюдь не сводится

к слову. Она может быть выражена в самых различных единицах, начиная с морфемы или служебного слова и кончая целым текстом.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ КОНЦЕПТОВ

Проводимые последние десятилетия активные исследования в области когнитивной лингвистики убедительно показали, что концепт является системным и динамичным образованием [6; 7]. То, что лексика, представляющая собой наиболее релевантное средство репрезентации концептов [3, с. 293], имманентно обладает аналогичными характеристиками, давно уже является общим местом для языкознания.

Объектом исследования в данной работе послужило такое проявление динамики концепта, как его интеграционная активность, которая обусловлена его неизолированностью, открытостью как системы [4] и облигаторным наличием комплекса внешних связей.

Обнаруживаемую концептами интеграционную активность мы условно подразделяем на внутреннюю (свойственна сложным ментальным образованиям: концептам высоких иерархических уровней, объединяющим концепты-гипонимы на основе отношения подчинения фреймам, концептам с гетерогенной структурой), пограничную (проявляется преимущественно в пересечении, суперпозиции концептов, отражающих в концептуальной картине мира пространственно и функционально смежные реалии, и основывается на метонимическом переносе как когнитивном процессе и внешнюю (проявляется в установлении связей с понятийно удаленными ментальными образованиями преимущественно с помощью метафорического переноса [15; 19]).

При анализе межконцептуальной интеграционной активности мы условно подразделяем внешние связи по способу их выявления на логические, ассоциативные, семантико-деривационные и дискурсивные. Следует отметить, что влияние процессов семантической деривации на интеграционную динамику концепта, являющееся непосредственным предметом данного исследования, весьма существенно, и значительную роль здесь, несомненно, играет метафора. Так, основоположники теории концептуальной интеграции (теории блендинга) М. Тернер и Ж. Фоконье, пришли к выводу, что метафоризация не исчерпывается проекцией из сферы-цели в сферу-мишень, как эксплицировано в теории концептуальной метафоры, а включает в себя сложные динамические интеграционные процессы, создающие новые смешанные ментальные пространства, которые способны в процессе концептуальной интеграции выстраивать структуру значения [2]. Однако, как мы намерены далее показать, метафора отнюдь не обладает прерогативой на репрезентацию интеграционной активности концептов среди всех типов семантической деривации. Проводимое нами исследование ряда концептов франко- и англоязычной картин мира убедительно это доказывает. Так при анализе английской системы обозначений алкогольных напитков как сферы-источника было выявлено явное преимущество метонимии (как в общем количестве случаев, так и по числу регулярно повторяющихся моделей переноса) над другими типами семантической деривации. Наиболее продуктивные модели метонимического переноса: «объект → свойство (цвет)» (Bordeaux, burgundy, champagne, Chartreuse, claret); «продукт → период времени (связанный с его потреблением)» (booze, bouse, drink, wine); «продукт → психофизиологическое состояние (им вызываемое)» (booze, bottle, drink, wine); «содержимое → содержащее (артефакт)» (long-sleever, pilsner, syllabub).

Также выявлены случаи метафоры и генерализации. Метафорические переносы (по сфере-мишени): реалии социальной сферы (*champagne, oenome*), артефакты (*cocktail, grog*), человек (*claret, pink lady, small beer*), натурфакты (*salty dog, drink*). Генерализация (по сфере-мишени): жидкости (*alcohol, liquor, spirit*). Необходимо отметить, что когда система обозначений напитков выступает сферой-мишенью (т.е. ее пополнение отражает реализацию своего интегративного потенциала другими концептами), метафора обнаруживает заметно большую активность, однако имеет спорадический характер (регулярно используемые модели практически отсутствуют) и с большим отрывом уступает по продуктивности метонимии. Выявлено также заметное число случаев генерализации и специализации, однако связанные с ними семантические процессы протекают внутри концептуальной сферы «Напитки» и, поэтому, отражают внутреннюю интеграционную активность рассматриваемого концепта.

Аналогичная картина наблюдается и при анализе французской системы средств обозначений алкогольных напитков. В случае, когда последняя выступает сферой-источником, метонимия заметно преобладает как по общим количественным показателям, так и по доле устойчивых моделей, среди которых заслуживают упоминания переносы с обозначения напитка на цвет (*bordeaux, champagne, cognac*), сырье (натурфакт живой природы) (*clairette, lacryma-christi, muscadet, muscat, pinot*), период времени, связанный с его потреблением (*cocktail, aperitif, punch*), емкость (артефакт) (*bock, pièce*). Вклад же метафоры в реализацию интегративного потенциала французского концепта «*boissons alcoolisées*» весьма слаб. Обнаружены случаи установления связей с миром артефактов (*casse-tête (casseteste - 1690) «vin qui monte à la tête» → «travail qui demande une grande application», «arme», «jeu de patience», натурфактов (cidre → «eau de rivière», а также с более абстрактными понятиями (непонятная (и неприятная) ситуация (pastis); период времени; вид, сорт, качество (cuvée) и т.д.). Выявлены также случаи расширения (*alcool*) и сочетанного действия различных типов семантической деривации: расширение + метафора (*mêlé-cassis, cocktail*), метафора + метонимия - «метафтонимия» (*cognac*). В последнем случае мы наблюдаем явное сочетание метафорического и двойного (параллельного) метонимического переноса («*30 Feldgendarm allemand ... la marque «Trois Etoiles» de cet alcool, suggérée par la plaque à triple étoile que porte le Feldgendarm*» : в обоих случаях элемент внешнего оформления соотносится с объектом в целом.*

Следует отметить, что комплексное, сочетанное (одновременное или последовательное) действие нескольких типов семантической деривации на образование одного значения (его полидетерминированность в семантико-деривационном плане) в целом и метафтонимия в частности играют заметную роль в интеграционной активности исследуемого концепта (играющего роль как источника, так и мишени). Данное утверждение одинаково справедливо как для французского, так и для английского языков [10; 20].

В ситуации, когда французская система обозначений алкогольных напитков выступает сферой-мишенью, отмечается безоговорочное доминирование метонимии в плане продуктивности. С помощью различных метонимических переносов образовано более 31% номинативных единиц соответствующего лексикосемантического поля, тогда как вклад метафоры составил 6,7% [8].

Итак, как мы видим, семантико-деривационные процессы, связанные с системами обозначений в английском и французском языках, практически идентичны. Высокую степень сходства обнаруживает выявляемая динамика данных систем в плане репрезентации интеграционной активности концепта «алкогольные

напитки» в соответствующих национальных картинах мира. На примере проанализированного языкового материала становится очевидной высокая значимость метонимии как когнитивного процесса [1, с. 42] при реализации концептом своего интегративного потенциала. Интеграционная активность во франко- и англоязычных картинах мира, связанная с концептом «алкогольные напитки» (выступающим как сферой-источником, так и мишенью), основывается преимущественно на процессах метонимических переносов (значительная часть которых имеет регулярно повторяющийся характер и присуща обоим языкам), тогда как метафора играет вспомогательную роль. Однако, за счет большей спонтанности, «неожиданности» метафоры, отмечаемой еще М. Минским, большего разброса порождаемых ею связей по национальной концептосфере, влияние данного типа семантической деривации именно на интеграционные процессы остается весьма заметным. Процессы семантической деривации (выступающей как когнитивным механизмом, так и языковым средством фиксации изменений в концептуальной картине мира), задействуемые при актуализации интегративного потенциала концепта, обнаруживают тенденцию к слиянию, комплексному протеканию. Данное обстоятельство, на наш взгляд, свидетельствует о влиянии системной специфики ментальных структур (многомерность, многоаспектность, полиморфизм, мультидетерминированность) на языковые процессы.

Список литературы

1. Будаев Э. В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. Екатеринбург, 2007. Вып. 1. С. 16- 32
2. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. — М., 2000.
3. Кудрявцева, Л. А. Моделирование динамики словарного состава языка / Л. А. Кудрявцева. — Киев, 1993.
4. Курилович, Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. Очерки по лингвистике / Е. Курилович. — М., 1959.
5. Мурзин, Л. Н. Деривация в синхронном и диахронном аспектах / Л. Н. Мурзин // Деривация и история языка. — Пермь, 1987.
6. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. — Л., 1974.
7. Морель Морель Д. А. К вопросу о свойствах концепта как системы // Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях / отв. ред. М. В. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. С. 148-157.
8. Приходько А. Н. Языковое картирование мира в паттерне «концептосфера-концептополе-концептосистема» // Новое в когнитивной лингвистике / отв. ред. М. В. Пименова. Кемерово: КемГУ, 2006. С. 114-125.